

**Эволюция представлений о Наполеоне Бонапарте  
на страницах русской публицистики XIX в.  
(по материалам "Вестника Европы" Н.М. Карамзина)**

В январе 1802 г. в типографии Московского университета был опубликован первый том "Вестника Европы", литературно-политического журнала, редактором и составителем которого был известный русский публицист Н.М. Карамзин. В то время "Вестник" считался одним из самых либеральных журналов в России. По сути, он был первым настоящим политическим журналом, издаваемым в нашей стране.

Начало издания "Вестника Европы" хронологически совпало с последними годами периода Консульства и началом периода Империи во Франции. В связи с этим не случайно то, что образ Наполеона Бонапарта занимает одно из центральных мест в политическом разделе журнала. Как отмечает Т.А. Алферьева: "XIX столетие знаменуется "веком Наполеона Бонапарта", чья личность волновала буквально всех современников" [1, с. 9]. Что касается статей Н.М. Карамзина, то они, по мнению М. М. Наринского, иллюстрируют изменение взглядов на Наполеона значительной части образованного российского дворянства (в течение 1802–1804 гг. – О.К.) [7, с. 116].

Значительная часть статей, посвящённых Наполеону Бонапарту, опубликованная в 1802 г., носила апологетический характер. Н.М. Карамзин говорит о нем как о гениальном человеке, сыгравшем значительную роль в истории Франции: "Вообразит ли обыкновенный человек, как можно работать головою 18 часов в сутки, и всякий день, как Боанопарте работает? Какое множество идей должно ему соображать, приводить в систему! Какое разнообразие в предметах деятельности и всякий требует ясного взора и спокойствия души, которое, без редкой твёрдости в характере, не совместимо с великими заботами" [5; с. 90]. "...Теперь тридцать миллионов повинуются законам и Гению одного человека... служат одной рукой для правления, и новый Цезарь, новый Кловис не страшен для новых Галлов..." – писал Карамзин в первом номере "Вестника Европы" в январе 1802 г. [7, с. 96].

Основная причина восхищения личностью Наполеона Бонапарта связана с неприятием Н.М. Карамзиным Французской революции, ввергшей, по его мнению, Францию в состояние политического, экономического и морального хаоса. Для Н.М. Карамзина, как и для многих представителей российского дворянства, в 1802 г. Бонапарт представлялся едва ли не спасителем французов от ужасов анархии, а установленный в результате переворота 18 брюмера режим Консульства – едва ли не самым справедливым политическим режимом.

В восьмом номере журнала за 1802 г. Н.М. Карамзиным было опубликовано "Письмо о Консуре Бонапарте", автор которого неизвестен. Знакома читателя с героем будущих своих статей и заметок, Н.М. Карамзин обращает внимание на необычную внешность Бонапарта: "Всякий портрет и бюст сего редкого человека должны быть похожи, но никакое изображение не представит его совершенно. Можно ли кистью или резцом изобразить огонь в глазах и какую-то неизъяснимую любезность его рта? В приёме и обхождении он чрезвычайно холоден и даже застенчив; на всякого человека, ему представляемого, устремляет быстрый взор – потупляет глаза в землю и редко взглядывает в другой раз; слушает с великим вниманием и всего более удивляет тем французов, отвечает коротко и нерешительно, так что из слов его нельзя

ничего заключить об успехе дела" [7, с. 163]. "Бонапарте живёт в загородном доме своём тесно и беспокойно, – информировал читателей "Вестника" его главный редактор. – ... Госпожа Бонапарте имеет дружескую связь с некоторыми знатными фамилиями прежней монархии (из числа приближенных ко двору Марии Антуаннеты – О.К.), но в своём доме не терпит никакой пышности, соблюдая во всем любезную простоту: супруг её желает того. Не верьте иностранцам, которые описывают подробности семейной жизни Консула; из самых французов весьма немногие знают их" [7, с. 163]. На страницах "Вестника Европы" Наполеон предстаёт читателю не только как скромный человек, но и прекрасный муж и отчим. "Бонапарте сердечно любит детей своей жены, – писал Н. М. Карамзин в седьмом номере журнала. – Говорят, что один министр предлагал ему развестись с нею (по причине того, что первая супруга Наполеона Жозефина не принадлежала к высшим слоям французского общества – О.К.) и жениться на принцессе, на что Консул, как должно, с презрением отвергнул такой совет. Одна злая политика могла бы отнять у госпожи Бонапарте сию награду за те слёзы, которые она пролила о бедственной кончине своего первого мужа, генерала Богарне, невинно казнённого при Робеспьере" [7, с. 192].

Центральное место в политических статьях "Вестника" занимают статьи и заметки, посвящённые международной политике: отношениям Англии и Франции, Франции и России и т.д. И в них Бонапарт выступает в качестве миротворца и великого политического деятеля. Описывая события, связанные с подписанием Амьенского мира 27 марта 1802 г., Н.М. Карамзин сообщает своим читателям: "...сей мир останется памятником могущества французов в консульство Наполеона и миролюбия англичан в министерство Аддингтона и Гакесбури" [7, с. 167]. В опубликованном в восьмом номере "Вестника Европы" "Письме из Амьена" от 28 марта 1802 г. сообщалось: "Вчера город наш был театром великого происшествия, которого с нетерпением ожидала Европа. Мир подписан в присутствии множества граждан и при общих радостных восклицаниях. Обряд сего важного действия был прост и величествен. В 11 часов утра уже полки стояли в ружьё вокруг ратуши. Министры приехали туда в первом часу... Префект департамента, его советники и знатнейшие граждане приветствовали их в большой зале, украшенной славнейшими картинами французской школы, которые были взяты из Версальского Музеума и присланы в Амьень министром внутренних дел на случай конгресса. Уполномоченные министры остались в зале одни... и конференция продолжалась два с половиной часа. ...Наконец французский министр велел объявить мэру, что трактат готов к подписанию. Вдруг отворилась двери, и граждане бросились в залу, наблюдая, однако ж, порядок и глубокое молчание. В сию торжественную минуту, подписав трактат, министры обняли друг друга со всеми трогательными знаками живого удовольствия. Многие зрители проливали радостные слезы, безмолвно смотрели друг на друга, и все наслаждались счастьем всех. В таком же порядке министры вышли из залы, тут ожидал их радостный народ, который, увидев французского министра, воскликнул: "Да здравствует Бонапарте!" ...Сей день оставил глубокое впечатление во всех сердцах. Он решил судьбу Европы и утвердил благоденствие Франции" [7, с. 169]. При этом повод для ликования у французов действительно был. Великобритания добилась лишь вывода французских войск из Рима, Неаполя и острова Эльба, в то время, как сама обязалась возвратить Франции захваченные острова Цейлон и Тринидад. Но самой важной для французов, по мнению Н.М. Карамзина, была статья Амьенского трактата, касающаяся острова Мальта. Великобритания давала обязательство вывести свои войска с Мальты: "Орден Иоанна Иерусалимского, восстановленный со всеми древними правами своими под защитою Франции, Великобритании, России, Гишпании, Австрии и Пруссии, не будет иметь ни французского, ни английского языка, а вместо первого учреждается новый мальтийский язык (в данном случае имеется в виду термин "народ" – О.К.), в который могут быть приняты и неблагородные, и который имеет права других языков. Сие установление и другое, по коему большая часть судебных и прочих властей острова должна состоять из её жителей... Сего без сомнения требовал Бонапарт в пользу своего бывшего завоевания (остров Мальта был захвачен Бонапартом в 1798 г. и завоёван англичанами в сентябре 1800 г. – О.К.)" [7, с. 168].

Вместе с тем, как отмечает Н.М. Карамзин, в английской прессе все чаще встречаются заверения о том, что на самом деле главная цель Бонапарты – это не благо французского народа, а получение личной власти: "английские журналисты... уверяют публику, что Бонапарте скоро переменит конституцию Французской республики, объявит себя единственным консулом на всю жизнь" [7, с. 170]. При этом Н.М. Карамзин спешит заверить читателя, что "...Бонапарте уже объявил, что он не любит переменять конституции – и сей новый план, без всякого сомнения, есть лондонская выдумка" [7, с. 170].

На страницах "Вестника Европы" Н.М. Карамзин подробнейшим образом описывает жизнь французской столицы периода Консульства, обращая внимание читателя на то, что её непременным атрибутом стали военные парады, проводимые с участием Первого Консула. "Он (Бонапарт – О.К.), пишет Н.М. Карамзин, – в своём красном мундире, на живописной лошади, окружённый генералами, проскакал по всем рядам и велел войску скорым маршем идти мимо его. Конная артиллерия загремела по каменной мостовой и скрылась. Кавалеристы консульской гвардии не так хорошо сидят на прекрасных лошадях своих, как гусары Парижского гарнизона (почти все немцы); они казались совершенными центаврами. Музыка гвардии несравнима, и кафтаны музыкантов облиты золотом" [7, с. 177].

Представляя на страницах своего журнала Первого Консула как талантливую и великого человека, Н.М. Карамзин, в то же время, видел и не скрывал от общественности его человеческие слабости, считая, что Наполеон "имеет одну страсть, но сильнейшую и самую разрушительную, – властолюбие и любочестие" [3, с. 67].

Кроме того, несмотря на откровенно выражаемую симпатию к Бонапарту, Н.М. Карамзин отмечал, что этот человек далеко не всегда искренне заявляет о своих планах и намерениях. К тому же, по его мнению, и в самой Франции, и среди французских эмигрантов, бежавших от революции в Россию, достаточно активно распространяются слухи о том, что "маленький корсиканец" не прочь получить королевскую корону. "...Суждения о характере и намерениях Консула столь же различны, как желания и надежды партии, к которой принадлежать судящие. Многие хотят непременно сделать его королём и рассеивают странные слухи о нем. То говорят, что он набирает пажей и камергеров, то уверяют, что он намерен торжественно короноваться!" [5, с. 178]. Н.М. Карамзин исключает возможность присвоения Наполеонам королевского титула (по крайней мере, в 1802 г. – О.К.), заявляя о том, что: "... Бонапарте любит быть единственным, сажает королей на трон и довольствуется скромным именем французского гражданина. Власть кажется ему важнее имени, и славный бриллиант, называемый "Регентом" (бриллиант, украшавший корону французских королей, выкупленный Наполеоном в 1801 г. – О.К.), который на консульском мече, не может блистать светлее на короне" [5, с. 178]. В то же время в упомянутом уже "Письме из Парижа" Н.М. Карамзин отмечает негативную тенденцию, связанную с присвоением Наполеону 2 августа 1802 г. титула пожизненного Консула, что чревато, по мнению русского публициста, переходом к диктаторской форме правления. "...Бонапарте считает себя диктатором, а консульское достоинство своё диктатурою, – писал в девятом номере "Вестника Европы" Н.М. Карамзин. – Присвоенная им власть оправдывается бедственным состоянием, в котором он по возвращении своём из Египта нашёл Францию. Консул видит, что легкомыслие французов имеет нужду в строгой опеке, но мудрый опекун не обманывается ли иногда в средствах и всегда ли следует правилам бескорыстного человеколюбия? Не знаю; но знаю то, что Бонапарте человек, хотя и великий, а не Бог, которым педант Редере только что называет его!" [5, с. 178]. Концентрация всей полноты политической власти в одних руках, по мнению Н.М. Карамзина, недопустима. К тому же, как заявляет он на страницах "Вестника", "... Консул весьма не сведущ в делах государственного хозяйства. Будучи военачальником, он только подписывал требование, и завоёванная земля удовлетворяла ему; ... но отечеству не завоёванная провинция. Тут надобен особый ум, тем более что Францию десять лет разоряли, и нынешнее правительство должно быть крайне осторожно" [5, с. 178].

Вместе с тем, Н.М. Карамзин находит много достоинств в политическом и духовном развитии Франции периода Консульства. По его мнению, Напо-

леон в этот период времени являлся сторонником религиозной свободы. "Конкордат<sup>1</sup> служит поводом к разным слухам о слепой привязанности Бонапарта к католицизму, о намерении его поручить воспитание духовенству. Это совсем невероятно. Консул вместе со всеми благоразумными (людьми – *О.К.*) уверен в святости христианской религии вообще и благотельности её для счастья государств, но он без сомнения не думает принуждать нас быть католиками. Разве мы не видели его другом Магомета в Египте? Особенная религия Консула есть – политика", – писал Н.М. Карамзин в пятом номере "Вестника" за 1802 г. [5, с. 179]. Значительный вклад в период Консульства Наполеон внёс в развитие образования и народного просвещения во Франции, создав соответствующую законодательную базу. При этом он считал, что образование должно носить светский характер: "Старания французского правительства о заведении центральных школ доказывают, что оно желает народного просвещения. Духовные (католические священники – *О.К.*), которые возвращаются во Францию, всячески мешают успеху народных училищ, желая снова овладеть воспитанием, но строгий Фуше, министр полиции, не даст им усилиться" [5, с. 179].

Считая Наполеона великим человеком, стремящимся к благополучию и процветанию Франции, Н.М. Карамзин, тем не менее, отмечает, что уже в период Консульства у него проявляется определённая нетерпимость к инакомыслию: "...Консул недоволен был некоторыми учёными и литераторами, – отмечает он на страницах своего журнала, – дерзнувшими в Трибунате осуждать предложенные Консулами гражданские законы" [5, с. 179]. При этом в период Консульства, в отличие от последовавшего за ним периода империи, всё ещё сохраняется видимость демократического коллегиального управления государством: "...Бонапарт смягчил систему свою, и хотя умеет повелевать, однако ж, не хочет рабского безмолвия. Например, в самом Консульском Совете ему смело противоречат; он слушает, доказывает и делает по-своему. Когда уверен, что лучше других видит" [5, с. 193].

Бонапарт, по мнению Н.М. Карамзина, обладает способностью подбирать способных и талантливых людей вне зависимости от их происхождения для выполнения государственных задач: "Бонапарте не поддерживает Директории, не ищет союза той или другой партии, но ставит себя выше их и выбирает только способных людей, предпочитая иногда бывшего дворянина и роялиста искреннему республиканцу, иногда республиканца роялисту" [5, с. 180]. "Бонапарте пользуется талантами людей, не принимая никаких внушений личной вражды и не думая об их частном образе мысли. Таллеран не любит Фуше, Фуше не терпит Таллерана, но они оба министры" [5, с. 193].

Таким образом, политика Консульства, отражённая на страницах "Вестника", удостоилась высокой оценки издателя, более того – она отражала его идеал государственного управления.

Вместе с тем, уже в последних номерах "Вестника" за 1802 г. все чаще публикуются критические оценки личности и деятельности Наполеона Бонапарта. Например, в разделе "Политика" в одиннадцатом номере "Вестника" помещена переписка тайных агентов Людовика XVIII, в которой сообщается о наличии во Франции якобинской партии, оппозиционной партии Консула. Её представители Черачи, Арена, Топино-Лебрен и Демервиль 10 октября 1800 г. предприняли неудачную попытку покушения на Наполеона. При этом, согласно донесению тайного агента Людовика XVIII Луи-Франсуа-Перрен де Пресси, массовых репрессий против якобинцев не последовало, напротив, "...теперь многие якобинцы, особливо умные, сделались чиновниками. Думают, что Консул не столько ищет дружбы сих людей, сколько желает, отвлекая их от секты, через то ослабить её. Он находит в сём ещё другую выгоду; а именно: поручая им должности, может лучше обуздать их и смотреть за ними. Из чего следует, что власть его не только не надёжна, но что он (Бонапарт – *О.К.*) стоит на вулкане, который всякую минуту готов вспыхнуть и совсем истребить его" [5, с. 203–204]. Согласно утверждению графа де Прес-

<sup>1</sup> Конкордат был подписан 15 июля 1801 г.; согласно этому документу Папа Римский признавал существование Французской республики и отказывался от притязаний на национализированную клерикальную собственность, в свою очередь, французские власти признавали католицизм одной из главных религий, существующих в стране.



си, многие политические силы во Франции недовольны правлением Первого Консула, но считают его своеобразной преградой на пути возвращения страны в хаос якобинского террора. Что же касается личности самого Бонапарта, то по заверениям графа, "...он глава народа, потому что всех смелее, что имеет неоспоримые таланты и что большая часть французов считает его (правление – *О.К.*) необходимым для сохранения порядка. Даже многие роялисты и возвратившиеся эмигранты имеют такое мнение..." [5, с. 204].

В конце 1802 г. среди материалов, опубликованных в политическом разделе "Вестника", доминируют сообщения, касающиеся международной политики. На страницах своего журнала Н.М. Карамзин сообщает читателям о возрастании напряжённости в отношениях между Англией и Францией. При этом, как пишет главный редактор "Вестника Европы", обе стороны взаимно обвиняют друг друга в эскалации конфликта. Формальным поводом для предъявления взаимных претензий, по мнению издателей "Вестника", стал вопрос о Мальте: англичане категорически отказались вывести свои войска с острова, в то время как Наполеон считал такое положение нарушением Амьенского трактата. Следует отметить, что на фоне ухудшающейся международной обстановки и начала переговоров о создании третьей антифранцузской коалиции, в которые была активно вовлечена и Россия, составители "Вестника Европы" постепенно отказываются от восторженных оценок личности Бонапарта. Уже в первом номере журнала за 1803 г. Н.М. Карамзин опубликовал отрывок статьи из английской газеты *Morning Chronicle*, являвшийся, по сути, скрытым обвинением в адрес Бонапарта, скрывавшего за миролюбивыми заявлениями, по мнению авторов публикации, тайные планы развязывания новой войны с Англией: "Нельзя верить одним словам, когда Бонапарте уверяет нас в своём миролюбивом расположении и велит французским журналистам бранить людей, хотящих воспалить огонь войны в Европе..." [5, с. 327].

Оценивая события, произошедшие во Франции в 1802 г., Н.М. Карамзин констатировал, что за прошедший год "...во Франции произошли великие перемены: уничтожение последних знаков так называемой свободы, основание решительного, твёрдого самовластия до смерти Консула" [5, с. 382]. "Бонапарте... присвоил себе неограниченную власть, какой никто из европейцев не имеет. Он торжественно соединил с Францией княжество Пиемонтское и два миллиона людей назвал французами, не сказав о том ни слова государям Европы, а через шесть месяцев после того взял ещё Парму, Пиаченцу и Гвасталлу... Генуя и Лукка уже зависели от Франции. ...Амьенский мир служит ясным доказательством зависимости Гишпании (от Франции – *О.К.*)" [5, с. 358]. Учитывая то, что Франция приобрела обширные владения в Северной Америке, а Португалия и Италия существенно зависели от французской политики, Н.М. Карамзин с уверенностью говорит о том, что к концу 1802 г. в территориальном отношении Франция уже являлась, по сути, империей.

В течение 1803–1804 гг. издатели и составители "Вестника Европы" регулярно информируют своих читателей о том, что Франция осуществляет активную подготовку к вторжению на Британские острова с моря. В девятнадцатом номере журнала за 1803 г. в разделе "Известия и замечания" Н.М. Карамзин сообщает о том, что "... Европа имеет ныне одну мысль: все умы занимают французскою высадкою, для которой благоприятное время наступает. Известно, что в октябре и в ноябре месяце свирепствуют южно-западные бурные ветра, которые могут разорять флоты английские...; ...Страшные приготовления французов уверили Европу, что Консул действительно и непременно хочет завоевать Великобританию" [5, с. 507].

В 1803 г. на страницах "Вестника Европы" активно обсуждался вопрос о возможности в ближайшей перспективе коронации Наполеона в качестве французского императора. Так, в опубликованном в январе 1803 г. втором номере журнала Н.М. Карамзин сообщает, что в английской и голландской прессе "...с полной уверенностью заявляется, что ...Бонапарте скоро назовётся императором, объявит наследником младенца, сына падчерицы его и Луи Бонапарте и на случай кончины своей назначит регентом Иосифа Бонапарте, который будет управлять Францией вместе с Верховным Советом и Коллегиею Принцев" [5, с. 345].

Подобного рода сообщения Н.М. Карамзин называет выдумкой, полагая, что даже если бы Наполеон имел намерение стать императором, то, безусловно, сохранил бы это в тайне.

В конце 1803 г. – начале 1804 г. положение Первого Консула было не таким прочным, как в начале его правления, о чем свидетельствует активизация оппозиции внутри страны. 26 марта 1804 г. читатели "Вестника Европы" были проинформированы о раскрытии во Франции заговора против Первого Консула, участниками которого были роялисты: "В Париже открыт в половине февраля страшный заговор, имевший, по уверению официальных тамошних листов, целью своей умерщвление Первого консула, испровержение нынешней французской республиканской конституции и возвращение ей монархического правления чрез возведение на престол одного из Бурбонских принцев – и всё сие производимо было в действо по наущению и подкреплению Великобритании" [6, с. 72]. В сложившейся ситуации вполне объяснимо стремление Бонапарта к укреплению собственной власти путём принятия императорского титула. При этом, как подчёркивают издатели "Вестника", инициатива коронации Наполеона исходила не от него, а от "знатнейших городов Франции", которые в мае 1804 г. прислали Первому Консулу множество посланий с просьбой "...чтоб он для блага и будущего спокойствия Франции решился принять на себя императорское достоинство, которое пребудет наследственным в фамилии его" [6, с. 108]. Далее в "Вестнике" сообщается, что "Сенат под председательством консула Камбасереса учинил в происходившее 18-го мая заседание, на котором присутствовал также Консул Лебрюнь, и все министры Французской республики, органическое определение, которым титул Императора присвоается Первому Консулу, и который постановляет в фамилии его наследственность Императорского достоинства" [6, с. 108].

Вскоре после принятия Наполеоном титула императора Н.М. Карамзин сообщает брату Василию Михайловичу в письме: "Политические новости Вам известны по газетам. Наполеон Бонапарте променял титул великого человека на титул императора: власть показала ему лучше славы" [4; с. 96].

В двадцатом номере "Вестника Европы" за 1804 г. Н.М. Карамзин публикует статью, окончательно развенчивающую романтические представления его молодых современников-либералов и о Наполеоне, и о французской революции – "Цезарь, Кромвель и Бонапарте (из англ. "Ведомостей)": "Поработить народ именем вольности, предаться всем злодеяниям, твердя о добродетели: вот первые начала науки революционной! Известно, какую силу имеют слова над умами толпы народной, но ещё может быть и не довольно примечено, сколь далеко простирается сила их в отношении к тем, которые почитают себя чуждыми общим предассудков, потому что воспользовались ими. ...Г. Бонапарте, подобно Цезарю, уничтожил Республику, подобно Кромвелю восхитил престол своего государя; подобно тому и другому покусился присвоить себе царское достоинство – но здесь оканчивается сравнение" [4, с. 335]. Отличие Наполеона от других тиранов автор статьи видит лишь в том, "что г. Бонапарте рассудил за благо поступить совсем иначе: он дерзнул стать на ряду с государями, но мы уверены, что он от страха не назвался королём французов. Г. Бонапарте польстил себя надеждою, что титул императорское, новое для французов, не возбудит в них, подобно королевскому, напоминаний для него страшных..." [4, с. 263–347, с. 337–338].

Таким образом, можно отметить, что представления русской общественности о Наполеоне Бонапарте, отражённые на страницах "Вестника Европы", эволюционировали в зависимости от политической конъюнктуры. Приход Бонапарта к власти во Франции Н.М. Карамзин воспринимает как завершение революции и начало новой эры – эры спокойствия и порядка – в истории не только Франции, но и всей Европы. Вместе с тем, искреннее восхищение Наполеоном, преобладавшее в статьях и заметках "Вестника" за 1802 г., постепенно сменяется осторожным, а затем откровенно негативным отношением к нему главного редактора в последующих номерах журнала. И главная причина этого заключается, прежде всего, в стремлении Первого Консула, принявшего в 1804 г. титул Императора, к территориальным захватам, как в Европе, так и за её пределами, что неминуемо привело бы к разрастанию международного конфликта в Европе.

## Литература

1. Алферьева Т.А. Образ Наполеона Бонапарта на страницах "Вестника Европы" Н.М. Карамзина в контексте исторической концепции писателя / Т.А. Алферьева // "И вечной памятью двенадцатого года...": материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 200-летию Отеч. войны 1812 г., Екатеринбург, 14–15 декабря 2012 г. / под общ. ред. Е.Е. Приказчиковой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 9–15.
2. Блудилина Н.Д. Апология или развенчание мифа о Наполеоне на страницах "Вестника Европы" Н.М. Карамзина и эпопеи "Война и мир" Л.Н. Толстого // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 202–212.
3. Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. М.: в Университетской типографии у Люби, Гария и Попова. 1804. № 9.
4. Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. М.: в Университетской типографии у Люби, Гария и Попова. 1804. № 20.
5. Карамзин Н.М. Эпоха Наполеона: русский взгляд. Книга первая. М., 2013.
6. Карамзин Н.М. Эпоха Наполеона: русский взгляд. Книга первая. М., 2015.
7. Наринский М.М. Наполеон в современной ему российской публицистике и литературе // История СССР. 1990. № 1. С. 77–86.

## Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 система Б

1. Alfer'eva T.A. Obraz Napoleona Bonaparta na stranitsakh "Vestnika Evropy" N.M. Karamzina v kontekste istoricheskoy kontseptsii pisatelya / T.A. Alfer'eva // "I vechnoj pamyat'yu dvenadtsatogo goda...": materialy Vseros. nauch. konf., posvyashh. 200-letiyu Otech. vojny 1812 g., Ekaterinburg, 14–15 dekabrya 2012 g. / pod obshh. red. E.E. Prikazchikovej. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2013. S. 9–15.
2. Bludilina N.D. Apologiya ili razvenchanie mifa o Napoleone na stranitsakh "Vestnika Evropy" N.M. Karamzina i ehpokei "Vojna i mir" L.N. Tolstogo // Vestnik MGOU. Seriya: Russkaya filologiya. 2016. № 5. S. 202–212.
3. Vestnik Evropy, izdavaemyj Nikolaem Karamzinym. M.: v Universitetskoj tipografii u Lyubi, Gariya i Popova. 1804. № 9.
4. Vestnik Evropy, izdavaemyj Nikolaem Karamzinym. M.: v Universitetskoj tipografii u Lyubi, Gariya i Popova. 1804. № 20.
5. Karamzin N.M. EHpokha Napoleona: russkij vzglyad. Kniga pervaya. M., 2013.
6. Karamzin N.M. EHpokha Napoleona: russkij vzglyad. Kniga pervaya. M., 2015.
7. Narinskij M.M. Napoleon v sovremennoj emu rossijskoj publitsistike i literature // Istoriya SSSR. 1990. № 1. S. 77–86.

**Ковалёва О.А. Эволюция представлений о Наполеоне Бонапарте на страницах русской публицистики XIX в. (по материалам "Вестника Европы" Н.М. Карамзина).**

Статья посвящена изучению представлений русской общественности о Наполеоне Бонапарте, нашедших своё отражение на страницах "Вестника Европы", редактором которого являлся известный публицист Н.М. Карамзин. Начало издания этого журнала относится к завершающему периоду Консульства и началу периода Первой империи во Франции. В связи с этим фактом, первый консул, а с 1804 г. император французов Наполеон Бонапарт стал одним из ключевых персонажей практически каждого номера "Вестника".

**Ключевые слова:** *консульство, империя, публицистика, общественность, литературно-художественный журнал, власть, деспотизм*

**Kovalyova O.A. The evolution of ideas about Napoleon Bonaparte in the Russian journalism of the XIX century (on materials of "The Herald of Europe" of N.M. Karamzin).**

The article is devoted to the problem of changing of Russian public opinion concerning Napoleon Bonaparte which was rather fully represented at the pages of "The Herald of Europe" published by the famous russian publicist N.M.Karamzin. This edition commenced in the end of The Consulate and the beginning of The First Empire in France. Because of this fact the First Consul and from 1804 the Emperor of the French Napoleon Bonaparte became one of the clue personages practically in each number of "The Herald".

**Key words:** *consulate, empire, publicist, public, power, despotism, literary-art journal*

---

**Для цитирования:** Ковалёва О.А. Эволюция представлений о Наполеоне Бонапарте на страницах русской публицистики XIX в. (по материалам "Вестника Европы" Н. М. Карамзина) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 142–149. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/142-149

**For citation:** Kovalyova O.A. The evolution of ideas about Napoleon Bonaparte in the Russian journalism of the XIX century (on materials of "The Herald of Europe" of N.M. Karamzin) // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 1. P. 142–149. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/142-149

